

Н. Н. Родигина
**«ШЕСТИДЕСЯТЫЕ» КАК ПРИСТАНИЩЕ:
ДИСКУРС О ПОКОЛЕНИЯХ В ТЕКСТАХ СИБИРСКИХ
ОБЛАСТНИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

УДК 94(57)18”

ББК 63.3(253)522

В статье раскрываются причины обращения лидеров сибирского областничества к теме поколений, на основе разноплановых источников выявляется эволюция их поколенческой идентичности. Особое внимание уделено использованию концепта «поколение» в материалах следственного дела над сепаратистами, а также охарактеризованы попытки власти вменить в вину сибирским областникам разжигание конфликта между «молодым» и «старым» поколениями. На примере текстов лидеров сибирского областничества Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева выявлены различия в значимости для них поколенческой принадлежности. Если для Г. Н. Потанина самоидентификация по поколенческому признаку была периферийной, то для Н. М. Ядринцева ее роль с течением жизни все больше возрастала. На основе модели культурной травмы П. Штомпки, идей Э. Сантнера, В. Д. Волкона и Н. Ицковича тексты Ядринцева о поколениях трактуются как способ «работы скорби» (в понимании З. Фрейда), как попытка выживания в чуждую ему эпоху консервативной модернизации Александра III. Последняя воспринималась областником как культурная травма «безвременья», «никчемная» эпоха забвения идей и идеалов 1860-х гг. Ядринцев относил себя к «шестидесятникам». Он рассматривал создание социокультурного мифа о своем поколении как способ сохранения памяти о своем референтном сообществе, при этом осознавал дидактический и психотерапевтический потенциал такого конструирования как для своих ровесников, так и для «нового» молодого поколения.

Ключевые слова: *сибирские областники, поколенческая идентичность, «шестидесятники», культурная травма*

В последние десятилетия поколенческий дискурс гуманитарных исследований становится все более влиятельным. С одной стороны, увеличивается количество работ, конференций, научных школ, связанных с осмыслением феномена поколенческой идентичности, с практикой конструирования поколенческих общностей, с другой — к теме поколений обращаются социологи, историки, литературоведы, что дает надежду на продуктивный междисциплинарный диалог. Размышления о «своем» поколении, рефлексия по поводу влияния «нашего» времени на судьбы ровесников в какой-то мере предопределили мой интерес к сюжетам о том, как осознавали свою поколенческую принадлежность дети «оттепели» 1860-х гг., почему для них возрастной критерий стал одним из главных оснований для социальной мобилизации. Совместно с Т. А. Сабуровой и В. Н. Худяковым нами был охарактеризован поколенческий дискурс «толстых» журналов

1860–1880-х гг., выявлены особенности поколенческой идентичности русских интеллектуалов второй половины XIX в.¹ В настоящей статье рассматривается вопрос о том, выходила ли популярность темы поколений за пределы круга столичных «властителей дум», иными словами, насколько широко использовали понятие «поколение» в провинции. В этом смысле интерес представляет рецепция данного понятия в текстах сибирских областников, которые одновременно и воспроизводили столичные языковые практики, и актуализировали их применительно к людям и событиям Сибири. Я стремлюсь выяснить, в каком значении областники употребляли термин «поколение» и с каким поколением они себя соотносили.

Родигина Наталия Николаевна — д.и.н., с.н.с., Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (г. Тобольск)
E-mail: natrodigina@list.ru

¹ См.: Родигина Н. Н., Худяков В. Н. «Глашатаи новой России»: поколенческий дискурс русской журнальной прессы в 1860–1870-е гг. // Пишем времена и случаи. Новосибирск, 2008. С. 177–185; Они же. Петербургские пожары 1862 г. — символ конфликта поколений // Локальные сообщества в имперской России в условиях социальных конфликтов: подходы и практики в современных региональных исследованиях. Омск, 2009. С. 33–62; Родигина Н. Н., Сабурова Т. А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 138–157; и др.

В качестве источников были востребованы тексты лидеров сибирского областничества Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина (художественные произведения, их переписка, воспоминания), а также опубликованные материалы следственной комиссии по делу об отделении Сибири от России.²

Во второй половине 1850-х гг., с началом эпохи реформ и «оттепели» в общественной жизни, коллективные ожидания перемен предопределили обращение русских интеллектуалов к теме поколений. Первоначально она трактовалась в характерном для традиционного общества духе преемственности «отцов и детей». Однако разочарование в темпах и первых результатах реформ привело к социокультурному расколу и в среде русских интеллектуалов, и во взаимоотношениях власти и общества. Либеральные реформы активизировали модернизационные изменения в общественном сознании, в том числе и отказ от присущей традиционной культуре ориентации на систему ценностей и поведенческие образцы предков. Боровшиеся за символическое господство над «молодой Россией» общественно-политические течения взяли на вооружение идею противопоставления поколений как средства консолидации своих сторонников. Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, Д. И. Писарев провозгласили основным двигателем социального прогресса борьбу поколений как борьбу старого и нового. «Отцы» были объявлены консервативной силой, будущее признавалось только за молодыми людьми, «надежды которых еще не обрезаны опытом».³

Наиболее ярко поколенческая риторика воплотилась в прокламациях начала 1860-х гг. При обыске у областника И. П. Нечаева была найдена прокламация Н. В. Шелгунова «К молодому поколению» (1861).⁴ Исследователи А. П. Бородавкин, С. Ф. Коваль, М. Г. Сесюнина, М. В. Шиловский уже обращали внимание на содержательное сходство революционных прокламаций начала 1860-х гг. с областническими воззваниями и доказали, что эти прокламации являлись для сибиряков образцами. Зафиксирую лишь одно обстоятельство, ускользнувшее от моих предшественников: областнические прокламации были призваны

мобилизовать сторонников областников не только по региональному принципу, но и по возрастному. В воззвании «Патриотам Сибири» читаем: «Вам, Апостолам нового учения, принадлежит великая проповедь о независимости нашего края и создании в нем свободного общества. Исполните эту проповедь так, чтобы враги ваши не успели взяться за преследование ее, как вы будете уже готовы на битву. Вы должны *воспитать молодое поколение* (здесь и далее курсив мой — Н. Р.) в любви к своей родине, в надежде на ее освобождение и создать из него свободных граждан, а не рабов Императорства».⁵ Сопоставление прокламаций «К молодому поколению» с областническими воззваниями позволяет утверждать, что их авторы использовали дискурс, выполнявший директивные прагматические функции, а именно — инструкций, непосредственно побуждавших к действиям; обращались к формированию образа «другого» как врага, осуждение которого было призвано сплотить единомышленников; описывали будущие события в форме прогнозов; мифологизировали своих единомышленников, используя, как правило, поколенческий критерий. Современники областников ассоциативно соотносили их деятельность с идеями прокламации «К молодому поколению». Так, М. В. Шиловский упоминает о том, что появление в Томске 14 декабря 1865 г. на столбе выдержек из названной прокламации пытались объяснить воздействием областников.⁶

Материалы следственного дела об отделении Сибири от России содержат много информации о распространении концепта «поколение» в лексиконе образованных русских в провинции. Возможно, в силу того что обвиняемые по этому делу были людьми достаточно молодыми (в мае 1865 г., когда начались следственные действия, Г. Н. Потанину и Н. С. Щукину было 29 лет, Ф. Н. Усову — 26 лет, С. С. Шашкову — 23 года, Н. М. Ядринцеву — 22 года), в материалах дела, наряду с обвинениями в сепаратизме, содержатся упреки в разжигании конфликта поколений. Юность областников как свидетельство их незрелости и безрассудства неоднократно подчеркивалась в материалах официального делопроизводства. В записке генерал-губернатора

² См.: Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002.

³ Олейников Д. И. Поколения в истории России XIX в. // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 148.

⁴ Дело об отделении Сибири от России. С. 107.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ См.: Шиловский М. В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 66.

А. О. Дюгамеля, написанной в 1865 г., читаем: «При этом священным долгом считаю всеподданнейше донести Вашему Императорскому Величеству, что народонаселение Западной Сибири отнюдь не сочувствует безрассудным мечтам этой горсти заблудших юношей и не понимает даже их стремлений».⁷ Позиция Дюгамеля объясняется его намерением снизить общественный резонанс дела, объяснить его исключительно молодостью фигурантов. Однако жандармы, ведущие следствие, настаивали на том, что основной целевой аудиторией областников были представители «нового» поколения, которых сепаратисты настраивали против «отцов», поэтому молодость самих областников не умаляет их вины. Подполковник В. П. Рыкачев 9 августа 1865 г. докладывал генерал-адъютанту П. П. Ланскому о том, что Г. Н. Потанин признает, что его деятельность заключалась в воспитании в сибирском юношестве местного патриотизма посредством идеи о будущем Сибири как независимой республики.⁸

В 1864 г., еще до создания следственной комиссии, офицер корпуса жандармов Дорич сообщал министру внутренних дел о лекциях С. С. Шашкова в Красноярске: «Оба лектора (Шашков и лекарь богоугодных заведений Лазарев — Н. Р.) ...разразились потоком нареканий и осуждений всего старшего поколения, проповедуя, что только они, то есть *юное поколение*, обладает всеми доблестями и способностями; что оно теснит старое как негодное и неисправимое, которому один исход — смерть...»⁹ Критикуя областников за попытки использовать идею поколенческой общности для мобилизации своих сторонников, Дорич в донесениях от 26 июня и 10 июля 1864 г. цитирует статьи известного охранителя камергера М. А. Безобразова, опубликованные в «Енисейских губернских ведомостях». Автор статей обвинял лекторов в том, что они «самопроизвольно» соотносят себя с юным поколением и тем самым дискредитируют его в глазах местной общественности. Безобразов конструировал свой «правильный» образ молодого поколения по принципу бинарных оппозиций: «В представителях юного здорового поколения нет нахальства, грубости, обмана, лицемерия, они судят, не искажая фактов и не клеветая, то есть в них нет всего того, что является и было всегда достоянием оборвы-

шев поколений, недоносков просвещения... В юном поколении отечество видит свою надежду, а отжившие свое поприще деятели видят преемников».¹⁰ Из приведенного фрагмента очевидно как восприятие поколений через призму их преемственности, так и стремление сохранить целостность социума, заклеив «оборвышев» и «недоносков просвещения», культивирующих конфликт поколений. Разоблачая происки идейных врагов, используя для этого милитаристские метафоры, Безобразов формулирует задачи молодого поколения: «Под державой Царя и направлением светлой Царской мысли продолжается устройство земства, *обуздание крамольников*, слияние всех разноплеменных частей государства в одно целое. Бог в помощь тебе, юное поколение, краса России, служи отечеству честно и усердно, как служили твои предшественники».¹¹ Показательна ремарка полковника Борка на донесении шефу жандармов от 8 июля 1865 г. о лекциях Шашкова: «Он старался исказить самодержавную власть как корень всего зла... Не решаясь признавать пропаганду Шашкова опасною для *настоящего поколения*, я считаю его, однако ж, человеком злонамеренным, имеющим главною целью прививать свои идеи юношеству и старающимся захватить в свои руки, со своими единомышленниками, воспитание детей».¹² Можно предположить, что власть, конструируя образ областников как врагов империи, не отвергала возможности использования обвинений не только в сепаратизме, но и в разжигании конфликта поколений.

Знакомство с материалами следственного дела побудило задуматься о том, насколько для самих областников в конце 1850-х — начале 1860-х гг. была значима поколенческая идентичность и как менялось ее восприятие в разные периоды их жизни. Поиск ответа на первый вопрос затруднен тем, что большая часть эго-текстов была создана областниками в ссылке (т. е. в начале 1870-х гг.) и после нее. В письмах Г. Н. Потанина конца 1850-х — начала 1860-х гг. отождествление с «мы» как с поколением встречается значительно реже, чем с «мы» — сибиряками. С одной стороны, это может свидетельствовать о приоритете региональной идентичности (а не поколенческой) у его адресатов, с другой же — указывать на слабый интерес к теме поколений

⁷ Дело об отделении Сибири от России. С. 316.

⁸ Там же. С. 171.

⁹ Там же. С. 75.

¹⁰ Там же. С. 77, 78.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 135.

самого Потанина. В данном случае одно не противоречит другому. В отдельных случаях Потанин употребляет термин «поколение» в историко-культурном смысле, понимая его как общность людей, объединенных участием в определенных исторических событиях и обладающих общими идеалами. Так, в письме Ф. Н. Усову (1859) встречаем: «Я послезавтра еду с Русиновым на лекцию по истории средних веков Стасюлевича и на уголовное право Спасовича. Позавидуйте его счастью. Все это Папков подзадоривает его, но оказывается, что Папков гораздо моложе, ближе к *нашему поколению* и его стремлениям, чем этот малолетний старец».¹³ Можно предположить, что со «своим поколением» автор ассоциирует стремление к знаниям и социальную активность, однако констатация своей поколенческой принадлежности в данном случае носит эмоционально нейтральный характер.

В 1872 г., уже в ссылке, Г. Н. Потанин писал Н. М. Ядринцеву про собранный им материал для повести «Тайжане»: «Имеете ли Вы тип чиновника конца 50-х гг., который при наплыве либерализма устраивается так — напустил на себя вид излишней измышленной подлости, чтобы отнять у людей возможность рассчитывать втянуть и его в либеральный поток. Он напускной пессимист, не верит на словах в хорошее будущ[ее] человека, издевается над *надежд[ами] молод[ого] поколения и его верой в народ*, цитирует Писарева: из меня вырастет лопух и пр., и все это, чтобы старую свою грязь прикрыть модной философией».¹⁴ В данном случае автор воспроизводит популярную в литературе и исторической науке XIX — начала XX в. традицию соотнесения поколений с типичными для эпохи литературными героями (в нашем примере конструируемый им образ чиновника соотносится с писаревской рецепцией Е. Базарова) и в качестве одного из конституирующих признаков представителя социального типа он называет его отношение к молодому поколению.

Г. Н. Потанин трактовал термин «поколение» и как объект социализации (такая интерпретация получила массовое распространение в социальных науках XX столетия (Т. Парсонс, М. Мид, Ш. Айзенштадт и др.)). Он заметил в письме к Ядринцеву в 1874 г.: «...это порода людей, созданная воспитанием *ряда поколе-*

ний и искусственным подбором, порода такая многочисленная, что Вам стоило только слегка наметить истинные их физиономии, как я узнал в них старых своих приятелей. Этот деловой вид при отсутствии всякой любви к делу, это искусство казаться человеком современной реформированной, прогрессирующей России и в это же время в действительности быть... сухим, безжалостным, даже жестоким и узким карьеристом...»¹⁵

Однако чаще всего Г. Н. Потанин использовал термин «поколение» для обозначения историко-демографической общности, в значении «совокупность родственников одной степени родства по отношению к общему предку».¹⁶ Не исключено, что востребованность именно биологической трактовки термина объясняется профессиональной принадлежностью Потанина-этнографа.

В источниках личного происхождения начала XX в. (в переписке с М. Г. Васильевой (1911–1917), в воспоминаниях (1914 г.)) Г. Н. Потанин практически не употребляет ни сам термин «поколение», ни его синонимы, что позволяет предположить, что поколенческая идентичность перестает быть для него актуальной.

Иное отношение к теме поколений демонстрируют тексты Н. М. Ядринцева, для которого с течением жизни поколенческая принадлежность становилась все более значимой. В материалах следственного дела В. П. Рыкачев в качестве свидетельства вины Ядринцева приводит фрагмент его письма к Г. Н. Усову: «Да, друг мой, нам приходится еще печально смотреть на *наше поколение*. У нас есть философы а la Фединька [есаул Федор Усов], есть люди, любящие читать, есть образованные обломовы, есть Либералы а la Писарев, но мало честных фанатиков нашей родной идеи. А куда не создадутся истинные патриоты, которые будут смотреть сквозь Сибирскую призму и чувствовать нервами Сибиряка, до тех пор мы не двинемся ни на шаг; российский Либерализм есть забава, а не дело. Да, более и более нужно создавать этих сынов нашей родины».¹⁷ Два момента обращают на себя внимание: во-первых, доминирующая роль региональной, а не поколенческой идентичности для юного Ядринцева; во-вторых, осознание им важности воспитательного потенциала

¹⁵ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 2. С. 90.

¹⁶ См., напр.: Письма Г. Н. Потанина. Т. 3. Иркутск, 1987. С. 81–84, 94, 95 и др.; Т. 4. Иркутск, 1990. С. 33, 34, 55, 89, 198; и др.

¹⁷ Дело об отделении Сибири от России. С. 116.

¹³ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 115.

своей деятельности по созданию круга земляков-единомышленников.

В письмах Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину из ссылки слово «поколение» употребляется крайне редко, как правило, в словосочетании «будущие поколения» в значении «потомки» или «единицы демографического измерения» при обсуждении колониационного потенциала Сибири, состояния общинного землевладения в крае.¹⁸ Лишь в одном из писем он осмысливает поколение как культурный маркер, подразумевая, что существует набор определенных социокультурных характеристик, позволяющих интуитивно различать поколения друг от друга. «Я как-то упоминал Вам, что я иногда спорю с образчиками взглядов современной молодежи, на которых я пробую иногда местные вопросы. Мне это важно потому, что я имею одно лицо нового направления, из *современного русского молодого поколения*, имеющего законченные взгляды. Насколько мои местные убеждения могут быть симпатичны и насколько они противостоят их симпатиям, выработанным на лучших основаниях европеизма, мне было любопытно знать»,¹⁹ — констатировал тридцатилетний Ядринцев, не причисляя себя ни к «современному», ни к «молодому» поколению.

Первые тексты, полные поколенческой рефлексии, Н. М. Ядринцев пишет в начале 1880-х — начале 1890-х гг. Причины его погружения в тему поколений можно описать используя подход социолога П. Штомпки, интерпретирующего реакцию на глубокие социальные трансформации через категорию «культурная травма» (продуктивность этой модели для анализа влияния революции 1917 г. на идентичность и творчество русских литераторов доказана И. Калининым).²⁰ П. Штомпка определяет травматическую ситуацию как состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями. Он наделяет социальные изменения, порождающие культурную травму, следующими характеристиками: 1) они неожиданны; 2) они радикальны и глубоки; 3) они воспринимаются как экзогенные, пришедшие извне, как нечто, на что мы сами не влияли, а если и влияли, то неосоз-

нанно; 4) они воспринимаются как нечто шокирующее, отталкивающее. Таким образом, эти изменения нарушают привычный образ мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления.²¹ Культурная травма одновременно и коллективный, и индивидуальный феномен: ее испытывают только те, кто переживает определенное событие как деструктивное и разрушительное. Идеи П. Штомпки перекликаются с определением «образцовой травмы» В. Д. Волкона и Н. Ицковича, согласно которому это психологический механизм, возникающий в результате коллективной реакции на сильное потрясение, повлиявшее на формирование групповой идентичности. По их мнению, у всех групп есть источник коллективных преданий, жизненного опыта, героических мучеников и врагов, из которого сознательно или неосознанно они черпают символические элементы. Эти элементы связываются между собой в повествование об «образцовой групповой травме».²²

Для Н. М. Ядринцева травмирующим фактором стала эпоха консервативной модернизации Александра III, описывавшаяся в метафорах «бездвременья», как «промежуточная, ничемная». Острое эмоциональное переживание этой эпохи как деструктивной, разрушающей идеи, идеалы, достижения 1860-х гг., с одной стороны, породило мифологию «святых шестидесятых» у людей, ассоциировавших себя с эпохой Великих реформ; с другой — способствовало конструированию идентичности «больного поколения» 1880-х гг. в модусе ностальгии и восхищения «шестидесятниками». Случай Ядринцева свидетельствует о том, что именно травматическое переживание эпохи Александра III как чуждой побудило «шестидесятников» к сакрализации своего поколения и всей «весны русской жизни», «оттепели 1860-х гг.», став способом «работы скорби» (по З. Фрейд), преодоления ощущения собственной не востребованности. «Когда жизнь звучит своими грустными мелодиями, когда чувствуется тяжело, мрачно и как-то безнадежно, когда видишь только умирающие даровитые силы, а на смену не идет молодой титан, новая умственная сила, богатое дарование,

¹⁸ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 16, 66, 125, 128, 133, 189.

¹⁹ Там же. С. 178.

²⁰ См.: Калинин И. Историчность травматического: рутина, революция, репрезентация // Новое литературное обозрение (далее — НЛО). 2013. № 6 (124). С. 18–34.

²¹ См.: Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–17.

²² Цит. по: Весслинг Р. Смерть Надсона как гибель Пушкина: образцовая травма, медийная смерть и поэт «больного поколения» // Травма: пункты. М., 2009. С. 471, 472.

напротив, видишь только серую посредственность, невольно воспоминания влекут к прежнему времени, когда все было молодо, полно сил, надежды, мечтаний», — читаем в «Сибирских литературных воспоминаниях». ²³ Ядринцев не замалчивает культурную травму, он ее многократно упоминает, вновь и вновь возвращается к ней. Э. Сантнер считает такую «проработку» травмы (т. е. привыкание к реальности утраты через ее метафоризацию и олицетворение, с помощью воспоминаний о ней и неоднократного возвращения к ней) наиболее продуктивной. ²⁴

Поводом для обращения к теме поколений для Н. М. Ядринцева послужила смерть И. С. Тургенева. Ее осмысление привело сибирского патриота к вопросу о том, как воспринимал себя «человек сороковых» Тургенев в эпоху 1860-х гг. Конструирование образов поколений через мифологизацию их наиболее ярких представителей типично для русской литературы XIX–XX вв. и на разных примерах описано И. Каспэ, М. Чудаковой и др. ²⁵ Однако в некрологе, посвященном «великому писателю и художнику», Ядринцев основной акцент делает именно на взаимоотношениях поколений 1840-х и 1860-х гг., «доселе смотревших друг на друга неприязненно» и объединившихся после смерти Тургенева. Ядринцев проецирует на Тургенева собственные переживания и мечты о «правильном» восприятии поколения «отцов» поколением «детей»: «Принадлежа к поколению старейшему, после 60-х гг. он переживает острую драму русской жизни, переносит ее в душе своей, колеблется, мучается, несет удары то с одной, то с другой стороны, но в конце концов выходит торжествующий и соединяет вокруг себя симпатии всего русского общества». ²⁶

В последующих некрологах, посвященных русским писателям и общественным деятелям (А. П. Плещееву, А. П. Пичугину, И. Ф. Федорову-Омулевскому и др.), Н. М. Ядринцев создает мариолог «своего» поколения, противоп-

ставляя его поколению «детей». Типичны в этом смысле строки из очерка с «говорящим» названием «Смерть и дорогие могилы»: «Эти люди, покоящиеся величественно в своих могилах, дороги особенно нам теперь, они дороги как представители *угасающего поколения*, дышавшего лучшими стремлениями и благородными порывами. Они поучительны как пример для общества. Какой контраст они составляют с средой лжи, нахальства, легкой наживы, растления и общей испорченности, царствующей теперь в Сибири». ²⁷ Объединяя в своих мемориальных очерках сибиряков и тех, кто не был непосредственно биографически связан с его родиной, Ядринцев преодолевает значимый для него в юности разрыв «свой — чужие», в основе которого была региональная идентификация — «патриоты Сибири» и все остальные. Можно предположить, что к концу жизни поколенческая идентичность для него становится не менее значимой, чем региональная.

Н. М. Ядринцев многократно обращается к сюжету о времени выхода на историческую арену «своего» поколения, мифологизируя его символическое рождение и окончательно превращая это время в «место памяти» (по терминологии П. Нора). ²⁸ Начало 1860-х гг. он называет «великим актом пробуждения русской земли»; годами, «полными страстных порывов, высоких идеалов»; временем духовного обновления; весной, когда «...грудь не теснит» и «все залито было ярким солнечным светом». ²⁹ Пожалуй, самой яркой из метафор, предложенных Ядринцевым для описания обстоятельств социализации своего поколения, является метафора «отворенной клетки», символизирующая свободу после николаевского царствования.

В «Сибирских литературных воспоминаниях» (1884) Н. М. Ядринцев указал институты формирования поколенческой солидарности (университет, землячество, литературные кружки, редакции газет) и, пожалуй, впервые выделил социокультурные характеристики «своего» поколения. К их числу наш герой относил любовь к родине, культ литературы, наследование гуманизма романтиков 1840-х гг., «святую любовь к человечеству», стремление к идеалу, увлечение естественными науками,

²³ Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследие Сибири (далее — ЛНС). Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 298.

²⁴ См.: Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: Размышления о репрезентации травмы // URL: <http://gefter.ru/archive/author/santner> (дата обращения: 09.03.2016).

²⁵ См.: Чудакова М. О. Заметки о поколениях в советской России // НЛО. 1998. № 2(30). С. 73–91; Каспэ И. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.

²⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь на похоронах Тургенева // ЛНС. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 73.

²⁷ Он же. Смерть и дорогие могилы // ЛНС. Т. 5. С. 114.

²⁸ См.: Нора П. Поколение как место памяти // НЛО. 1998. № 2 (30). С. 48–72.

²⁹ Ядринцев Н. М. Смерть и дорогие могилы. С. 110; Он же. Сибирские литературные воспоминания. С. 298 и др.

веру в общественный прогресс. Анализ текстов Ядринцева позволяет предположить, что он понимал поколение как общность культурную, историческую, а не биологическую. Его интуитивное понимание этого феномена, на мой взгляд, соотносится с трактовкой поколения как особой формы групповой идентичности, особого режима социализации, особого способа конструировать прошлое, особой мифологии. Это те конституирующие признаки поколения, на которые в той или иной степени обращали внимание «классики» поколенческого подхода Ф. Мантре, К. Манхейм, Х. Ортега-и-Гассет. Из многочисленных современных дефиниций понятия самым «работающим» в данном случае представляется определение И. Кукулина, согласно которому поколение объединяет группу людей, близких по возрасту и считающих себя отвечающими на некоторый историко-культурный вызов, который может заключаться не в конкретном событии, а в глубинном, интуитивно фиксируемом сдвиге; именно это ощущение сдвига и становится основой консолидации: «в... группу объединяются те, кто чувствует, что в истории нечто сдвинулось, что действовать так, как раньше, более невозможно или бессмысленно».³⁰

В разные годы Н. М. Ядринцев по-разному определял время рождения своего поколения и его место среди поколений русской интеллигенции. В «Сибирских литературных воспоминаниях» он замечал: «Наше поколение в общих теориях осталось на грани между 60-ми и 70-ми гг. Не восприняв крайностей последних, унаследовав самые светлые и лучшие верования первых, писатели моего времени перенесли эти лучшие надежды на родину и взлелеяли их».³¹ Однако в последующих текстах он соотносил себя исключительно с 1860-ми гг. Так, в воспоминаниях, опубликованных в 1902 г. Т. М. Фарапонтовой в «Восточном обозрении», встречаем: «Настоящий очерк принадлежит человеку 60-х гг. Каждое поколение имеет свое прошлое, свои дорогие воспоминания (свой опыт, свою исповедь). И воспоминания, и пережитое, и выстраданное целым поколением и его лучшими представителями имеют свои уроки и ценность для

истории каждого общества. Культурная связь и преемственность поколений сохраняется в большей или меньшей степени у всех народов. Но отношения и взаимное уважение не всегда поддерживаются, и авторитет одного поколения не всегда является авторитетом для другого. Это заметно в последнее время в России. Здесь связь между поколениями разрывается, ее нечем реставрировать... Разрыв между старым и молодым проявился в 60-х гг., с тех пор этот антагонизм против старого стал чувствоваться резко».³² Рефреном воспоминаний «сибирского патриота» была его забота о том, насколько интересны современному молодому поколению мысли, переживания человека шестидесятых годов. В своих художественных произведениях он вновь и вновь воспроизводил свою мечту о преемственности поколений, обосновывал необходимость культурного диалога между ними. Возможно, размышления о своей собственной «невключенности» в социальную жизнь нового поколения (в данном случае речь идет не о реальной общественной активности областника, а о его самовосприятии в последние годы жизни, закончившейся, как известно, трагично) заставляли его постоянно подчеркивать современность «шестидесятников». В этом смысле очень показательны строки из его автобиографического рассказа «Люди шестидесятых годов»: «Это был человек прошлого поколения, и никто лучше его не понимал современные недуги и современные потребности. Кругом люди портились, как гнилые яблоки, опускали руки, робели, а он стоял как железная статуя, оставаясь неизменным со своими традициями».³³

Н. М. Ядринцев использовал два приема конструирования мифа о своем поколении — акцентирование страданий, которые пришлось испытать его ровесникам-единомышленникам, и противопоставление его «большому поколению Александровского безвременья». Приведу лишь один отрывок из многих, свидетельствующих, с одной стороны, об идеализации «шестидесятников», с другой — о травматичном восприятии 1880-х гг.: «Скоро вслед за 60-ми гг. небо заволокло тучами, мы рассыпались... Великая драма жизни прошла перед нашими очами, мир великих идей был доступен нашему пониманию... Наше поколение первое увидело дальние абрисы берегов

³⁰ Кукулин И. Ангел истории и сопровождающие его лица: О поколенческих и «внепоколенческих» формах социальной консолидации в современной русской литературе // Пути России: Культура — общество — человек. М., 2008. С. 108.

³¹ Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания. С. 313.

³² РГАЛИ. Ф. 580 (Н. М. Ядринцев). Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

³³ Ядринцев Н. М. Люди шестидесятых годов // ЛНС. Т. 4. С. 198.

грядущего... На нашу долю выпало испытать и порывы восторга, и мрачную бездну разочарования: темная ночь часто окружала наше существование, и мировая скорбь, и бессильная тоска за будущее грызли душу. Нужны были великие силы перенести это. Великие страсти и разочарования выпали на долю нашему несчастному поколению. Тяжелая историческая эпоха выпала на долю нашего существования».³⁴ Новое поколение стареющих и разочарованный Ядринцев устами своих литературных персонажей упрекал в том, что оно живет крайностями («или не думает о судьбе отечества, или гибнет ни за грош»), подвержено психическим болезням и хронической усталости, одержимо жаждой наживы.³⁵ Памфлет Ядринцева «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» (1891) не только описывает все травматические симптомы эпохи (в том числе кризис идентичности, коллективное чувство вины, коллективное чувство стыда, увеличение количества поведенческих девиаций, суицидов и пр.), но и очерчивает культурные рамки травмы, указывая причины болезней поколения 1880-х гг. «Где наши молодые всходы?.. Кто сменит поколение старых писателей, стоящих у могилы? Тяжело умирать одиноко, когда кругом ничего, кроме “гамадрилов”, какой-то оргии наживы, бешеной пляски самодурства, ниче-

го, кроме ожиревшего Кондрата», — риторически заявлял «шестидесятник» на закате своей жизни.³⁶

Итак, впервые поколенческий дискурс актуализируется сибирскими областниками в прокламациях середины 1860-х гг., в которых содержатся призывы к консолидации на основе как региональной, так и поколенческой принадлежности. Однако до начала 1880-х гг. поколенческая идентичность была периферийной для лидеров сибирского областничества, в отличие от ряда других представителей местной общественности и власти, обвинявших сепаратистов в разжигании конфликта поколений. Для Г. Н. Потанина поколенческая идентичность не стала значимой и на последующих этапах его биографии, в то время как для Н. М. Ядринцева конструирование идеализированного образа «своего» поколения стало одним из способов преодоления «мерзостей эпохи Александра III», воспринимавшейся им как культурная травма. Можно предположить, что на закате жизни, разочаровавшись в результатах областнического движения и в собственной деятельности, сибирский патриот все чаще находил утешение в воспоминаниях о «святых» 1860-х гг. как о времени активной социальной жизни «своего» поколения, воспринимая их как пристанище, как наиболее значимое «место памяти».

Nataliya N. Rodigina

Doctor of Historical Sciences, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the RAS (Russia, Tobolsk)

E-mail: natrodigina@list.ru

THE “SIXTIES” AS A RETREAT: GENERATIONS DISCOURSE IN THE TEXTS OF THE SIBERIAN REGIONALISTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article studies the reasons underlying the leaders' for the Siberian regionalism interest in the topic of generations; based on the analysis of various types of sources the author traced the evolution of their generational identity. Particular attention was paid to the meaning of the term “generation” in the materials of the “separatists” case investigation file, as well as the authority's attempts to file against the regionalists the charges of inciting conflict between the “young” and the “older” generation. Using the texts of the Siberian regionalism leaders G. N. Potanin and N. M. Yadrinsev as a case study the author identified the differences in the relative importance of their generational identity. While for G. N. Potanin the generational self-identification was of a peripheral importance, for N. M. Yadrinsev its role in later life became even greater. Based on P. Sztompka's model of cultural trauma, the ideas of E. Santner, V. D. Volkon and N. Izkovich, the Yadrinsev's texts on generations could be interpreted as a kind of “work of sorrow” (according to Z. Freud), as an attempt of survival in an alien to him environment of Alexander III con-

³⁴ Он же. Воспоминания о Томской гимназии // ЛНС. Т. 4. С. 288, 289.

³⁵ См.: Он же. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // ЛНС. Т. 4. С. 219.

³⁶ Цит. по: Постнов Ю. С. Н. М. Ядринцев — литературовед и критик // ЛНС. Т. 5. С. 18.

servative modernization period. The latter was perceived by the regionalist as a “troubled time” cultural trauma, a period of abandonment of ideas and ideals of 1860s. Yadrintsev considered himself a “man of the sixties”. For him the creation of a socio-cultural myth about his generation was a means of preserving the memory of his referential community, at the same time he was also aware of the didactic and psychotherapeutic potential of this work for both his peers and the “new”, younger generation.

Keywords: *Siberian regionalists, generational identity, “men of the sixties”, culture trauma*

REFERENCES

- Chudakova M. O. *Zametki o pokoleniyakh v sovetskoj Rossii* (Notes generations in Soviet Russia). *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary Observer), 1998, № 2 (30), pp. 73–91. (in Russ.).
- Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The matter of the separation of Siberia from Russia]. Tomsk: TGU Publ., 2002. 388 p. (in Russ.).
- Kalinin I. *Istorichnost travmaticheskogo: rutina, revolyutsiya, reprezentatsiya* (Historicity traumatic: routine, revolution, representation). *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary Observer), 2013, № 6 (124), pp. 18–34. (in Russ.).
- Kaspe I. *Iskusstvo otsutstvovat. Nezamechennoe pokolenie russkoj literatury* [Arts absent. Unnoticed generation of Russian literature]. Moscow: NLO Publ., 2005. 192 p. (in Russ.).
- Kukulin I. *Angel istorii i soprovozhdayushchie ego litsa: O pokolencheskikh i “vnepokolencheskikh” formakh sotsialnoj konsolidatsii v sovremennoj russkoj literatury* [The angel of history and his entourage: About generational and “is generational” forms of social cohesion in contemporary Russian literature]. *Puti Rossii: Kultura — obshchestvo — chelovek: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Russia Path: Culture — Society — Man: proceedings of the International Symposium]. Moscow: Logos Publ., 2008, pp. 108–127. (in Russ.).
- Nora P. *Pokolenie kak mesto pamyati* (Generation as a place of memory). *Novoe literaturnoe obozrenie* (New Literary Observer), 1998, № 2 (30), pp. 48–72. (in Russ.).
- Oleynikov D. I. *Pokoleniya v istorii Rossii XIX v.* [Generations in the history of the 19th century Russia]. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoj Rossii* [Fathers and Sons: generational analysis of modern Russia]. Moscow: NLO Publ., 2005, pp. 146–167. (in Russ.).
- Rodigina N. N., Khudyakov V. N. *“Glashatai novoy Rossii”: pokolencheskiy diskurs russkoj zhurnalnoj presse v 1860–1870-e gg.* [“Heralds a new Russia” generational discourse of Russian journal press in 1860–1870]. *Pishem vremena i sluchai* [Writing time and chance]. Novosibirsk: NGPU Publ., 2008, pp. 177–185. (in Russ.).
- Rodigina N. N., Khudyakov V. N. *Peterburgskie pozhary 1862 g. — simvol konflikta pokoleniy* [St. Petersburg fires in 1862 — a symbol of generational conflict]. *Lokalnye soobshchestva v imperskoj Rossii v usloviyakh sotsialnykh konfliktov: podkhody i praktiki v sovremennykh regionalnykh issledovaniyakh* [Local community in Imperial Russia in the conditions of social conflict: approaches and practices in contemporary regional studies]. Omsk: OmGPU Publ., 2009, pp. 33–62. (in Russ.).
- Rodigina N. N., Saburova T. A. *Pokolencheskoe izmerenie sotsiokulturnoy istorii Rossii XIX v.: preemstvennost i razryvy* [Generational dimension of social and cultural history of Russia of the 19th century: continuity and ruptures]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time]. 2011, Issue 34, pp. 138–157. (in Russ.).
- Santner E. *Istoriya po tu storonu printsipa naslazhdeniya: Razmyshleniya o reprezentatsii travmy* [The story on the other side of the principle of pleasure: Reflections on the representation of trauma]. Available at: <http://www.ug.ru/old/95.10/101403.html> (accessed March 09 2016). (in Russ.).
- Shilovskiy M. V. *Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX — pervoy chetverti XX v.* [Siberian regionalism in socio-political life of the region in the second half of 19th — the first quarter of the 20th century]. Novosibirsk: Sova Publ., 2008. 270 p. (in Russ.).
- Shtompka P. *Sotsialnoe izmenenie kak travma* (Social change as trauma). *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 2001, № 1, pp. 6–17. (in Russ.).
- Wessling R. *Smert Nadsona kak gibel Pushkina: obraztsovaya travma, mediynaya smert i poet “bolnogo pokoleniya”* [The death of Nadson as the death of Pushkin exemplary injury, media death and the poet of “generation sick”]. *Travma: punkty* [Trauma: items]. Moscow: NLO Publ., 2009, pp. 471–515. (in Russ.).